

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шаповалова Т.И. Причины неприятия залога в качестве меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 2. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_2/Shapovalova.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-2a-4.

УДК 343,1

ПРИЧИНЫ НЕПРИНЯТИЯ ЗАЛОГА В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Шаповалова Татьяна Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной экспертизы,
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России;
доцент кафедры правоведения,
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу залога как меры пресечения в российском уголовном процессе, его исторической эволюции, современному нормативному закреплению и причинам крайне редкого применения на практике.

В центре внимания — противоречие между формальным существованием залога в УПК РФ и его фактической маргинализацией в правоприменении, где доминируют заключение под стражу и домашний арест.

Автор рассматривает залог как институт, который на протяжении длительного времени сохранялся в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, несмотря на неоднократные попытки его исключения или вытеснения из системы мер пресечения.

Отмечается, что залог закреплен в статье 106 УПК РФ, которая определяет его понятие, порядок избрания, минимальные размеры и последствия нарушения обязательств. При этом действующая правовая модель построена на жесткой формализации: минимальные пороги залога зависят от категории преступления, а суд должен учитывать личность обвиняемого и имущественное положение залогодателя. Такая конструкция, по мысли автора, создает внутреннее противоречие между законодательно предусмотренной доступностью меры и ее фактической недостижимостью для большинства обвиняемых.

Статистика последних лет демонстрирует крайне низкую частоту применения залога: он избирается лишь в единичных случаях на фоне десятков тысяч решений о заключении под стражу. Отмечается также устойчивое сокращение числа случаев его использования по сравнению с предыдущими годами, что свидетельствует не о случайной, а о системной невостребованности данной меры.

Ключевые слова: меры пресечения, залог, заключение под стражу, следователи, суд, УПК РФ.

Сегодня залог самая не избираемая мера пресечения. В России залог давно формально закреплён в УПК как мера пресечения. Нет смысла говорить сейчас о денежном обеспечении в дореволюционной России. Однако каждый раз при принятии нового УПК в Советской России залог включали в перечень мер пресечения. Правда необходимо отметить, что попытки избавиться от него в уголовном судопроизводстве все же делались. Так в ходе реформы законодательства 1958-1961 годов система мер пресечения претерпела изменения. При обсуждении проектов уголовно-процессуальных кодексов авторами вносились предложения об исключении залога и имущественного поручительства из перечня мер пресечения как не находящихся применения на практике.

Результатом реформирования действующей системы советского права явилось упразднение в уголовно-процессуальных кодексах большинства союзных республик имущественного поручительства и залога как мер пресечения. Только в УПК РСФСР и Таджикской ССР залог сохранился в качестве меры пресечения в тот период.

В УПК РФ 2001 года залог опять остался одной из мер пресечения, но в реальной практике суды применяют его лишь в долях процента от всех решений, отдавая приоритет заключению под стражу и домашнему аресту. Такая ситуация обусловлена сочетанием правовых ограничений, институциональных установок правоохранительной системы и социально-экономических факторов, включая недоверие к залому как эффективной гарантии явки и трудоемкости избрания меры пресечения.

Судебная статистика и аналитические обзоры показывают, что залог остаётся крайне редкой мерой на фоне устойчивого доминирования содержания под стражей.

– По данным Минюста и Судебного департамента, за 2023 год залог избирался всего 66 раз по всей стране при более чем 80 000 случаях заключения под стражу; домашний арест применялся около 7 500 раз, запрет определенных действий — около 4 000 раз.

– Юридические обзоры указывают, что доля залога среди всех мер пресечения составляет менее 0,2%, причём за весь 2020 год залог был избран 244 раза, тогда как в 2010 году — 629 раз, что свидетельствует о устойчивом сокращении масштабов его использования.

В более актуальных оценках отмечается, что и в 2024–2025 годах залог не выходит за пределы статистической погрешности: в 2024 году он был избран 67 раз, а за первые шесть месяцев 2025 года — лишь в отношении 15 лиц при десятках тысяч решений о заключении под стражу.

Залог закреплён в качестве меры пресечения в ст. 106 УПК РФ, которая определяет его понятие, порядок избрания, критерии размера и последствия нарушения обязательств.

С момента принятия УПК РФ в 2001 году до настоящего времени объём статьи увеличился в разы. Законодатели изо всех сил пытаются сделать данную меру более привлекательной, но ничего не меняется – залог не применяют и все.

Сегодня Минюст в очередной раз инициировал подготовку поправок в УПК РФ, направленных на расширение практики избрания залога, в том числе для повышения уровня возмещения ущерба по экономическим преступлениям.

Законопроект предлагает рассчитывать залог, прежде всего по экономическим составам, в размере, эквивалентном причинённому ущербу, что может означать ещё более высокие суммы в делах о крупном мошенничестве, налоговых преступлениях и т.п.

Параллельно сохраняются прежние минимальные пороги 50 000 и 500 000 руб., а официальных данных о снижении средних фактических сумм не приводится; напротив, дискуссия строится вокруг того, что залог сегодня «инструмент для богатых» и практически недоступен для массового обвиняемого.

Обсуждаемые реформы 2025 года были направлены на функциональную привязку залога к ущербу, а не на снижение «средней» суммы, что при крупном ущербе будет, вероятнее всего, ещё увеличивать средний размер залога

Юридические обзоры фиксируют, что при сохранении нынешних институциональных установок даже принятие реформ может иметь ограниченный эффект: ожидается лишь незначительный рост числа решений о залоге на фоне сохраняющегося доминирования содержания под стражей.

Правовая модель залога в УПК РФ во многом заимствует зарубежный опыт, но воплощена в достаточно жесткой и формализованной конструкции, что затрудняет ее реальное использование. Законодатель устанавливает минимальные размеры залога, привязанные к тяжести преступления (от 50 тыс. руб. для преступлений небольшой и средней тяжести до 500 тыс. руб. по тяжким и особо тяжким преступлениям), при этом возлагая на суд обязанность

учитывать данные о личности обвиняемого и имущественное положение залогодателя. На практике такая конструкция порождает внутреннее противоречие: минимальные пороги часто объективно недостижимы для большинства обвиняемых, что делает залог экономически нереализуемым, а значит — малоинтересным как суду, так и защите.

Отсутствие в законе ясных критериев определения конкретного размера залога ведет к высокой степени усмотрения суда, что создает правовую неопределенность и повышает коррупционные риски. Нормы не содержат указаний на допустимые источники денежных средств, тогда как по отношению к имуществу (недвижимость, ценные бумаги, ценности) установлена необходимость подтверждения права собственности и отсутствия обременений. В результате не исключается ситуация, когда в залог вносятся средства преступного происхождения, что подрывает превентивный смысл меры: обвиняемый, не заинтересованный в сохранении такого имущества, проще идет на нарушение процессуальных обязанностей.

Существенную роль в непринятии залога играют институциональные практики органов предварительного расследования и суда. Следственные органы традиционно ориентированы на ходатайства о заключении под стражу или домашнем аресте, рассматривая залог как рискованную и плохо управляемую альтернативу, не обеспечивающую, по их мнению, должного уровня процессуальной дисциплины обвиняемого. Это обусловлено, с одной стороны, отсутствием достаточного опыта работы с залогом, с другой — укоренившейся установкой на «максимальную безопасность» путем изоляции лица.

Как следователь в прошлом могу сказать, что любой следователь, расследующий уголовное дело, привык к тому, что он самостоятельно определяет ход расследования, что именно от его действий и решений зависит успех разрешения дела. Следователь сам, исходя из материалов уголовного дела, решает какую меру пресечения необходимо избрать обвиняемому – это касается всех мер пресечения, кроме залога и еще, пожалуй, личного поручительства. Основная и главная проблема, по нашему мнению, состоит в том, что инициатива избрания залога исходит не от следователя, а от самого обвиняемого, его защитника и/или залогодателя. Следователь не имеет права инициировать избрание данной меры пресечения. Разъяснение обвиняемому его права на ходатайство перед следователем или судом об избрании ему меры пресечения – залог может быть воспринято как понуждение к этому шагу и, как следствие, наличие личной заинтересованности следователя в избрании именно этой меры пресечения (как наиболее лояльной меры в ограничениях обвиняемого).

Еще одна проблема – это сумма залога. Да, законодатель определил минимум, но нет того максимума, который может стать сдерживающим фактором. Какова может быть сумма

залога, избираемого коррупционеру, у которого имущества на миллиарды рублей, что сегодня, к сожалению, не является редкостью.

Суды, даже при отсутствии достаточных оснований для заключения под стражу, чаще избирают домашний арест либо запрет определенных действий, нежели залог, мотивируя это опасениями побега и возможностью злоупотребления свободой. Отмечается также страх судей и следователей самим быть заподозренными в коррупции: применение залога в конкретном деле может вызвать вопросы о причинах различий в подходе по схожим составам преступлений и схожим обстоятельствам. Такая атмосфера подозрительности фактически стимулирует выбор «безрисковых» мер пресечения, традиционно связанных с изоляцией, и формирует консервативную практику, в которой залог воспринимается как исключение, а не как нормальный элемент системы мер пресечения.

Нельзя не учитывать и организационно-технические сложности: необходимость оценки и учета предмета залога, обеспечения его сохранности, оформления документов, взаимодействия с финансовыми и регистрационными органами. Для перегруженной судебной системы это означает дополнительную административную нагрузку, в то время как применение заключения под стражу или домашнего ареста опирается на уже отлаженные механизмы. В результате правоприменитель нередко исходит из принципа институционального удобства, предпочитая меры, требующие меньших затрат сил и времени

Таким образом с научной точки зрения для изменения практики применения залога необходима системная трансформация подходов:

- формирование ориентиров на приоритет мягких мер пресечения,
- детализация критериев выбора между залогом и заключением под стражу,
- развитие судебного контроля,
- повышение прозрачности статистики применения залога.

Список литературы:

1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://alrf.ru/news/pod-zalog-v-rossii-vypuskayut-menee-0-2-podozrevaemykh/>
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalacademy.ru/sphere/post/redkaya-mera-minyust-gotovit-novye-pravila-osvobozhdeniya-pod-zalog>.
3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/06/27/1046731-minyust-zadumalsya-o-rasshirenii-praktiki-primeneniya-zaloga>.

4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/550590-v-rossii-mogut-rassirit-izbranie-zaloga-v-kacestve-mery-presecenia>.

REASONS FOR NOT ACCEPTING BAIL AS A PREVENTIVE MEASURE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Shapovalova Tatyana Ivanovna

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Forensic Examination, Siberian Fire and Rescue
Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia;
Associate Professor of the Department of Law,
Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F.
Reshetnev
Krasnoyarsk, Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the analysis of bail as a preventive measure in the Russian criminal process, its historical evolution, modern regulatory consolidation and the reasons for its extremely rare application in practice.

The focus is on the contradiction between the formal existence of bail in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and its de facto marginalization in law enforcement, which is dominated by detention and house arrest.

The author considers bail as an institution that has been preserved for a long time in the domestic criminal procedure legislation, despite repeated attempts to exclude it or oust it from the system of preventive measures.

It is noted that the pledge is fixed in Article 106 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which defines its concept, the procedure for election, the minimum amount and consequences of violation of obligations. At the same time, the current legal model is based on strict formalization: the minimum bail thresholds depend on the category of the crime, and the court must take into account the identity of the accused and the property status of the pledgor. This design, according to the author, creates an internal contradiction between the legally provided accessibility of the measure and its actual unattainability for the majority of the accused.

The statistics of recent years demonstrate an extremely low frequency of bail application: it is chosen only in isolated cases against the background of tens of thousands of decisions on detention. There is also a steady decrease in the number of cases of its use compared to previous years, which indicates not an accidental, but a systemic lack of demand for this measure.

Keywords: preventive measures, bail, detention, investigators, court, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

References

1. [Electronic resource]. Access mode: <https://alrf.ru/news/pod-zalog-v-rossii-vypuskayut-menee-0-2-podozrevaemykh/>
2. [Electronic resource]. Access mode: <https://legalacademy.ru/sphere/post/redkaya-meraminuyust-gotovit-novye-pravila-osvobozhdeniya-pod-zalog>.
3. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/06/27/1046731-minyust-zadumalsya-o-rasshirenii-praktiki-primeneniya-zaloga>.
4. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.forbes.ru/biznes/550590-v-rossii-mogut-rassirit-izbranie-zaloga-v-kacestve-mery-presecenia>.